

И. Н. КРАМСКОЯ. Портрет К. А. Савицкого.

ВЕРНОСТЬ ТЕМЕ

С произведениями Константина Аполлоновича Савицкого обычно знакомятся в детстве. Репродукции его картин иллюстрируют школьные учебники истории, хрестоматии по литературе. «Ремонтные работы на железной дороге», «Встреча иконы», «На войну» — судьба русского крестьянства, его беды, его горести, его заботы...

Возможно, прав был Крамской, когда писал Савицкому в тяжкие для Константина Аполлоновича дни: «В человеческом сердце рядом с горем личным часто лежат страдания за общественные несчастья; поскольку есть у каждого чуткости к страданию за общественные бедствия, настолько он человек». Горе личное Савицкий получил от судьбы рано.

Болезненного мальчика с ранних лет мучили припадки удушья, он был подолгу прикован к постели. Заботы отца-врача и матери, посвятившей себя большой семье, подняли его, поставили на ноги. Мальчик смог в десять лет начать посещать гимназию. Здоровье немного наладилось. Но вскоре одна трагическая потеря за другой. Умерла мать, через несколько лет — отец. Когда Костя осиротел, ему было пятнадцать лет.

Рисование — вот радость. И он рисует. Рисует вместо игр, недоступных ему, вместо веселых мальчишеских приключений. В восемнадцать лет, покинув пансион, успешно сдает экзамены в Академию художеств.

Когда Савицкий перешел на второй курс — осенью 1863 года, — тринадцать выпускников во главе с Крамским вышли из Академии художеств в знак протеста: им не разрешили писать дипломы на свободные темы. Надо было воплощать традиционные канонические сюжеты. А темы рвались на полотна, темы, которые ранили душу, мучили разум, разрывали сердце, — беды пореформенной России.

Репин в «Далеком близком» рассказывает, как родилась тема «Бурлаков». Однажды, когда Репин и Савицкий плыли на пароходе по Неве, среди всей красочной, нарядной, веселой дачной публики они увидели бурлаков, которые тянули баржу. Репин, впервые наблюдавший эту картину, был поражен: «Какой, однако, это ужас! Люди вместо скота впряжены!..»

Жизнь, реальная жизнь не входила, а врвалась на живописные полотна. Покинувшие Академию молодые художники объединились в Художественную артель. Во главе этого объединения — основы Товарищества передвижных выставок — стоял Крамской.

Савицкий был дружен с Крамским, с Шишкиным, с семьями этих художников. Он теперь и сам был семейный: весной 1870 года Константин Аполлонович женился на Екатерине Васильевне Митрохиной — обаятельной, образованной женщине.

Три семьи — Крамские, Шишкины, Савицкие — вместе снимают дачи под Петербургом, вместе проводят многие часы. А объединяло их служение искусству, цель которого они понимали одинаково.

В конце 1872 года Савицкий принимает участие во 2-й передвижной выставке, представив на нее две картины: «Чиновник» и «Дети». Это принесло ему большую радость, но затем имело тяжелые последствия. За близость к Товариществу его исключили из Академии художеств.

В письме к Федору Васильеву Крамской, рассказывая о печальной истории Савицкого, восклицает: «Как Вам это понравится? Когда Савицкий опроверг все возводимые на него обвинения... то Исеев в заключение сказал: «Кроме того, Вы принадлежите к такому кружку, который критикует все действия Академии». Вот оно куда пошло, не смей быть знакомым с нами. Боже, какие мы отверженные люди!»

Летом 1873 года Савицкий начинает одно из лучших своих произведений. Это было удачное время в творчестве трех художников, которые снова выехали вместе на дачу. Крамской после долгих поисков снял дом под Тулой, в местечке Козловке-Засеке. Шишкин делает здесь серьезные этюды к картине «На покосе в дубовой роще». Крамской работает одновременно над двумя портретами Толстого: недалеко Ясная Поляна. А Савицкий «нашел сюжет тут же на железной дороге и возгорелся», — как писал Крамской Репину.

«Ремонтные работы на железной дороге». Мы видим людей разных возрастов, разных биографий и разных характеров, отмеченных единой бедой — их труд дешев. Их труд изнурителен, потому что польза от их усилий сведена к минимуму. Художник подчеркивает это, сталкивая в центре композиции рабочих, везущих тачки. Особняком на пригорке — десятник в жилете, в красной рубашке навывуток, с тростью в руке. Вся его фигура выражает жестокость времени. Он может обругать, может ударить, может лишиться куска хлеба. Люди, изображенные на картине, могли бы перевернуть горы, если бы их труд был свободным. Лица их осмысленны и выразительны. Вот рослый крестьянин в белом платке катит тяжелую тачку. Руки его сильны, его лицо — это лицо думающего человека. Ему уступает дорогу мальчик. Опущенные руки подчеркивают тяжесть груза, который он тянет на лямках. Может быть, он пришел на заработки со своим отцом из далекой деревни. Говоря словами Некрасова, людей этих согнала нужда «с разных концов государства великого». Там, откуда они пришли, и здесь, куда они собрались, тот же надсмотрщик, тот же скудный заработок.

Третьяков покупает «Ремонтные работы», которые шумно и по-разному отмечала пресса. Картину поняли и оценили. Композиция дала возможность демократически настроенным газетам в рецензиях о ее содержании высказать свои мысли и взгляды о положении трудящихся России. А реакционные газеты высмеивали ее содержание и писали больше о колорите.

В это время Крамской сообщает Репину в Париж: «Скоро, быть может, еще сотоварищ к Вам прибудет — Аполлоныч Савицкий. Кажись,

К. Савицкий. 1844—1905. РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ. (Фрагмент). 1874.

К. Савицкий, ВСТРЕЧА ИКОНЫ, 1878.

Государственная Третьяковская галерея.

ВЕСТИ ИЗ ДОМА. 1901.

Днепропетровский
государственный
художественный музей.

на то идет дело. Слаб он здоровьем, а ведь он не боец, как Вам известно, ему на рынке трудно найти работу, слишком много и посильнее его, да и те не особенно успевают, так что ему нужно до поры до времени еще пополнить спокойно свой арсенал. Мне очень жаль с ним расстаться — сердце у него честное, и талант есть, но... пусть едет, так лучше, я его уговариваю».

И Савицкий отправился в Париж.

Приступы астмы были жестоки. Пришлось дважды прерывать поездку. Почти месяц Константин Аполлонович с женой добирались до Парижа. Там ждали его друзья — Репин и Поленов. Здоровье налажилось. Выставки, музеи, путешествие по Франции, рыбацкий городок в Нормандии... Много работал с натуры на воздухе. Но эта радостная жизнь, наполненная работой, встречами с друзьями, вдруг оборвалась. Несчастье надолго омрачило судьбу Савицкого. Покончила с собою Екатерина Васильевна. Для всех окружающих это было трагической неожиданностью. Савицкий писал Крамскому: «Страшное, ужасное горе постигло меня, я лишился всего, что имел лучшего и дорогого в жизни».

Он в буквальном смысле слова не находит себе места. Не может жить в Париже, где все связано со счастливым временем, проведенным с Екатериной Васильевной: «При мысли о нем меня охватывает такое безысходное чувство тоски и грусти, что, право, жить не хочется». Бойтся возвращения в Россию, ожившие бы здесь воспоминания были слишком тяжелы... «Приехал я в Динабург, да и засел», — пишет Крамскому в апреле 1875 года. Только через год, занявшись делами Товарищества, живописец возвращается домой. Несколько лет Савицкий живет один в небольшой квартире на Васильевском острове. Впрочем, в его холостяцкой квартире есть еще живые существа: там развелись две собаки и одиннадцать канареек. Этот милый, добрый человек всегда любил животных. Одиночество обостряет это чувство. Он прекрасно рисует зверей. Написанные им медведи до сих пор весело живут в картине Шишкина «Утро в сосновом бору». Замысел и даже первоначальная композиция этого произведения тоже принадлежат Савицкому.

Живописец много работает, его картины покупают знаменитые меценаты, собиратели великолепных коллекций русского искусства — Третьяков, Цветков, Терещенко.

Он живет в одиночестве больше десяти лет — до второй женитьбы на прелестной молодой женщине, урожденной Дюмулен. В семье появились сын и дочь. Сын Георгий стал известным советским художником-баталистом и анималистом.

...В годы русско-турецкой войны Савицкий пишет первый вариант своей картины «Проводы на войну». Однако, оставив ее на время, он создает другое полотно, которое, казалось бы, не имеет отношения к теме войны. Но это произведение подсказано войной — «Встреча иконы».

Везут чудотворную икону. Крестьяне останавливают карету и молятся перед иконой тут же, на дороге. Молятся истово. Здесь только старики, женщины и дети. Нет молодых мужчин. За их солдатскую судьбу, за их возвращение молятся эти люди. Священник, отталкивающий старик, дьячок, который помог выбраться ему из кареты, не позабыл захватить кружку для пожертвований. Другой дьячок, зайдя за карету, тайно нюхает табак. Безразличный ко всему кучер, не глядя на толпу, ждет, когда кончатся поклоны. В толпе молящихся крестьянин думает о жизни. Он понимает, что поклонами ее изменить нельзя.

Эта фигура характерна для творчества Савицкого. В разных видах она появляется на его полотнах: крестьянин с повязкой в «Ремонтных работах», мужик с трубкой в «Проводах на войну», в других композициях. Она как бы символизирует пробуждающуюся мысль.

Большая глава в жизни Савицкого — преподавание. В Петербурге — в училище Штиглица, в Московском училище, а затем последние восемь лет жизни — директор Пензенского художественного училища. У него был дар педагога. Сколько осталось нежных и восторженных отзывов учеников!

«Всегда общительный, тяготеющий к студентам-беднякам, он был чужд казенного отношения к людям и этим качеством резко выделялся среди остальных профессоров училища», — вспоминал Н. П. Ульянов.

К. Ф. Юон рассказывал студентам, что объяснения Савицкого «были настолько интересны, оставили такое сильное впечатление», что запомнились на всю жизнь.

При Савицком оживилась интеллектуальная жизнь Пензы. Приложив массу усилий, преодолев бюрократическое крючкотворство, он создал музей, стал устраивать выставки работ студентов и преподавателей, великолепные вечера, посвященные великим художникам, писателям, с живыми картинами, декорациями, чтениями. По его просьбе передвижные выставки Товарищества стали приезжать в Пензу.

Савицкий писал Стасову: «тружусь я здесь не как член Академии... а как передвижник» — и еще: «...старика не стареются, как не стареетесь и Вы, в котором заложены хорошие дрожжи. Каждый из нас работает во всю и все в том же честном и святом для искусства направлении».

Да, старики не стареют, когда преданность творчеству, благородной идее справедливости, одержимое служение народу навсегда составляют их молодыми.

Микола ШАПОВАЛ

А ЖИЛИ Б ВЫ?

Через века,
Через столетья
Потомки спросят:
Как же стало,
Что мало жили мы на свете,
Любили и смеялись мало?

А жили б вы
В такие грозы,
Когда себя не слышно даже?
А жили б, если ваши слезы
Перемешались
С кровью вашей?

За всех
Умерших и погибших
Лет двадцати
Иль малость больше,
Отвечу я,
Я, живший дольше
Средь одногодков,
Мало живших.

А жили б вы,
Рванувшись смело
На смертный говор пулемета?
А жили б вы, горячим телом
Упав на амбразуру дота?

А жили б вы,
Когда бы в пекло
Судьба жестоко вас кидала,
Когда б дневное солнце

А мы...
Мы жили.
Мы любили.
За двадцать лет
Прожив столетья,
Не умерли мы,
Нас убили...
Убитые, мы шли в бессмертье!

меркло
В пурге ревущего металла?

Перевел с украинского
Вас. Федоров.

Лев КОНДЫРЕВ

НАЧАЛО ПУТИ

Предрасветное небо
Над Волгой угарно,
Сосны крыльями машут
У крайнего шлюза.
В дальний рейс
На речном
Теплоходе «Комарно»
Уплывает моя
Беспокойная муза.

Ой, ты, Волга-река,
Соколиные ночи —
Паруса из полотнищ
Седого тумана.
Не во мне ль твоя кровь
Неуемно клокочет,
Богатырскую силу
Несет атамана.

Сполох наземь в излуче
Упал кумачово,
Пронизал вековечные
Хвойные кроны,
Словно перстень сверкнул
На руке Пугачева,
Сотрясавшей незыблемость
Царского трона.

Предрасветное небо
Бледнеет в зените,
Зеленеет прибором
Деревьев и трав.
Вы за думы
О прошлом
Меня не вините.
Не приплывть нам
В коммуны,
Его не познав!

ДЕЛЬФИНЫ

В Суэцком заливе стая дельфинов спасла утопавшего человека

Сенсация века!
Сенсация века!
Достойная мрамора,
Бронзы и глины.
В Суэцком заливе
Спасли человека
Морские гуманные
Звери — дельфины.
Норд-осты на скалах,
На каменных скулках
О подвиге этом
Начертят скрижали.
Когда к утопавшему
Кралась акулы,
Дельфины беднягу
Кольцом окружали.

Они плавниками
Его обнимали,
На матовых спинах
Несли сквозь безбрежность.
Как в зеркале,
В сине-зеленой эмали
Солоной воды
Отражалась их нежность!..
А вы мне
Записок не пишете встречных,
Не шлете
Любви мне своей биотоки...
Как звери бывают
Порой человечны,
Как люди бывают
Черствы и жестоки.